

А. С. Лобанова (Пермь)

О некоторых особенностях нердвинского диалекта коми-пермяцкого языка

Нердвинский диалект коми-пермяцкого языка, нашедший отражение во всех имеющихся научных источниках и публикациях как самостоятельный диалект языка коми-пермяков, последние практически три десятилетия остается без внимания специалистов-филологов (в равной степени и этнографов, историков и др. исследователей).

Отдельные сведения о данном диалекте отражены в работах В. И. Лыткина (1955), Р. М. Баталовой (1975) и А. С. Кривошековой-Гантман (1980). Целенаправленных исследований относительно этого диалекта не было.

Летом 2003 г. группа студентов коми-пермяцко-русского отделения филологического факультета ПГПУ под нашим руководством побывала в районе распространения нердвинского диалекта (дд. Пятино, Иванково, Якино, Тихонята и др.). Результаты данной экспедиции и вошли в основу предложенной статьи. Заметим, что родным языком сегодня здесь пользуются в большей части люди среднего и старшего возраста, дети предпочитают говорить по-русски. В школе родной язык не преподаётся с 50-х гг., поэтому говорить о влиянии на особенности диалекта коми-пермяцкого литературного языка не приходится. Средства массовой информации в этом плане в силу своего небольшого объёма также не играют практически никакой роли. Признавая тот факт, что за одну экспедицию невозможно описать и охарактеризовать всю языковую систему диалекта, что для этого необходимы дальнейшие исследования, тем не менее, можно уже сегодня утверждать, что в интересующем нас диалекте имеют место специфические и заслуживающие внимания процессы. Остановимся на некоторых из них.

Из **фонетических** особенностей отметим те, которые пока не нашли своего отражения в научных публикациях.

Заметим, что, являясь эловым диалектом, в фонемном соотношении в нем (в диалекте) ограниченно встречается звук *в*. Эти ограничения аналогичны другим эловым говорам.

Одной из ярких особенностей является смягчение фонемы *л* в положении перед звуком *э*, напр. *лэ тыны* в.м. *лэ тыны* 'поднять', *лэ дзыны* в.м. *лэ дзыны* 'опустить' и др.

В диалекте наблюдается более широкое употребление аффрикат *дж* и *дз*, напр. *дона джык* в.м. *дона жык* 'дороже', *ынджа* в.м. *ынжа* (лит. *өнжа*) 'нечто', *си дзэ джэ* в.м. *си дзэ жэ* (лит. *сидз жэ*) 'так же', *ра дзёны* в.м. *ра зёны* 'разбирают' и др.

Только первый пример можно объяснить возможным функционированием в диалекте двух фонетического характера вариантов суффикса сравнительной степени имён прилагательных *-жык* и *-джык*. Явление ассимиляции (аффрикатизации) в приведённых примерах маловероятно, т. к. для этого необходимы два влияющих друг на друга согласных. В коми-пермяцком языке это, как правило, два рядом стоящих звука.

Замена звуком *дж* звука *ж*, *дз* – *з* нами замечена в большом количестве примеров, тем не менее, говорить о выявленных каких-либо закономерностях пока не приходится.

На морфологическом уровне в диалекте функционирует очень много различных форм и особенностей, являющихся либо специфическими в ареальном плане, либо для языка в целом. Таковыми являются следующие моменты: категория лично-притяжательности, особенности употребления некоторых качественных прилагательных, образование глагольных форм, отдельные варианты образования наречий, особенности функционирования некоторых послелогов и др.

Кратко остановимся на некоторых из них.

Категория лично-притяжательности выделяется употреблением варианта *-ы* в.м. *-ё* для обозначения I л., ед. ч., напр. *во нылан'* в.м. *во нёлан'* 'к моему брату', *а н'ыкөт* в.м. *а н'ёкөт* 'с моей свекровью' и т. д. Привычный вариант – суффикс *-ё* – здесь нами не замечен.

Однако эта особенность не отмечена в работах, посвященных нердвинскому диалекту. Предположить, что это явление возникло недавно и получило распространение только в данном ареале, конечно, можно, но тогда напрашивается вопрос: под каким влиянием оно произошло и так быстро вытеснило суффикс *-ё*?

Напомним, что фонетического характера вариант этой же морфемы *-э* обнаружила Л. Г. Пономарева [2002: 13] в мысовско-лупьинском диалекте коми-пермяцкого языка.

Обычно на качество рассматриваемого показателя влияют разного рода ассимилятивные процессы, но в интересующих нас вариантах нет никаких взаимовлияний на уровне гласных.

В речи носителей нердвинского диалекта встречается ряд качественных прилагательных, которые выделяются своими структурными и,

как нам показалось, семантическими особенностями. Приведем некоторые примеры: *ра мово́й вó лыс, эн пол* 'смирная (досл. 'добрая', в значении 'добренькая') лошадь, не бойся'; *нас'кó м чи сто ви л'ово́й* 'одежда вся новая (в значении новехонька)'; *ны жово́й пуртнас у мо́л вунда лны* 'тупым (в значении туповатым) ножом плохо резать'. Словообразовательная заимствованная морфема *-ово́й* очень продуктивна в коми-пермяцком языке, огромное количество относительных прилагательных образовано с её помощью, напр. *пу'ово́й* 'деревянный', *идза'сово́й* 'соломенный' и т. д. Принято считать, что она в языке функционирует сравнительно недавно, ранее эти значения передавались именами существительными в исходном падеже, напр. *пу'ис'* 'деревянный, из дерева', *идза'сис'* 'соломенный, из соломы' и т. д. Варианты с суффиксами *-ис'* и *-ово́й* и сегодня употребляются параллельно, хотя следует признать, что с русской морфемой примеров можно услышать значительно чаще.

В нердвинском диалекте *-ово́й* неожиданно начинает выступать в составе качественных прилагательных, в данных случаях у суффикса нет необходимости появляться в этих словах, морфема не несет своей, присущей ей словообразовательной функции, т. к. лексемы *рам, вил', ныж* уже сами являются непроизводными именами прилагательными. В этих случаях она не выполняет своей грамматической функции.

Поскольку в диалекте одновременно встречаются обе формы, т. е. прилагательные как с суффиксом, так и без неё, мы просили наших информантов сделать перевод обеих форм на русский язык. Интересным оказалось то, что варианты с морфемами переводились как прилагательные то в сравнительной степени, то с оттенком уменьшительно-ласкательности, а бессуффиксальные варианты предлагались как в положительной степени имена прилагательные. После чего мы несколько раз предпринимали попытки обратного перевода и практически везде приходили к выводу, что морфема *-ово́й* в составе качественных прилагательных несет определенную нагрузку субъективизма.

Заметим, что аналогичные примеры были зафиксированы нами в свое время в кочевском диалекте коми-пермяцкого языка, но были оставлены без внимания [Лобанова 1993: 12].

Нердвинский диалект немало удивил и своими наречиями.

Остановимся на примере *н'э́дд'д'о́нджык*. Это слово интересно своим набором аффиксов, которые вместе, в составе одной лексемы в коми-пермяцком языке принципиально не встречаются, общеизвестными являются варианты *н'э́дд'д'о́н* 'не очень', *о́дд'д'о́нджык* 'сильнее', *н'э́жык о́дд'д'о́н* 'не очень сильно'; одним словом, мы затрудняемся дать точный перевод варианту *н'э́дд'д'о́нджык*.

Примеров такого характера в интересующем диалекте достаточно много.

Напрашивается в таких случаях вопрос, не теряют ли морфемы своей семантики, или не приобретают ли они новое значение?

В составе наречий много фонетического характера вариантов, что в определенной степени характерно для языка в целом, тем не менее, следующие формы еще не были зафиксированы: *прак* в значении 'очень', *зы л'л'о* 'быстро', *гожумйа лнас* 'летом' (лит. *гожумнас*), *та вос* 'в этом году' (лит. *таво*) и т. д. В составе наречий довольно употребительными становятся суффиксы указательно-выделительной категории.

Употребление послелогов. Данная группа служебных слов на интересующей территории также широко употребительна, как и в других диалектах коми-пермяцкого языка.

Возможно, под влиянием соседних диалектов (кудымкарско-иньвенского и нижнеиньвенского), возможно, по индивидуальным особенностям, произошёл полный переход серийного послелога с основой на *вылө* в падежные форманты, т. е. вариантов типа *пыза н вылын* 'на поверхности стола' нами не зафиксировано, повсеместно употребительны стяжённые формы, напр. *тар'э лкалас* вм. первичного и литературного *тар'э лка вы лас* 'на тарелке' и т. д. Специфичным моментом мы здесь считаем отсутствие удвоения первого согласного послелога, которое наблюдается в других диалектах и говорах, если употребляемое с послелогом слово оканчивается на гласный звук.

Например, нердвинскому варианту *ро жалас* во всех других местах соответствует *ро жаллас* или *ро жаввас* 'на лице' (в зависимости от типа диалекта по употреблению звуков *в* и *л*). Заметим, что никаким образом, кроме благозвучия, удвоение звуков не объясняли. Получается, что исследуемый диалект освобождает нас от предложения дополнительных версий. Наше внимание привлекли те т. н. одиночные, несерийные послелоги, которые в нердвинском диалекте берут функции серийных, т. е. в их составе начинают выступать показатели мн. числа, падежа, категории лично-притяжательности и другие морфемы, обычно не присущие такого рода группе слов.

Приведём некоторые примеры: *ви дэдз'эз вы лөт* (лит. посл. *куз'а*) 'по лугам', *ва куз'өт'т'ис* 'по воде', *война ко ст'икас* (лит. посл. *ко с-та*) 'во время войны', *ны понаис* (лит. посл. *по нда*) 'для них', *сы мозөн* (лит. посл. *моз*) 'как он', *лө г код'өм* (лит. посл. *код'*) 'немного зол' и т. д.

Следует признать, что нечто подобное нам доводилось фиксировать и раньше, в других диалектах, но это были единичные случаи, и нами трактовались индивидуальными особенностями говорящего. Языко-

вой материал нердвинского диалекта дает обоснование утверждать, что перед нами новое явление на грамматическом уровне, требующее наблюдения и анализа.

Так, пространственный одиночный послелог *куз'а* 'вдоль, по поверхности чего-либо' (ср. к.-з. *куз'а*, удм. *куз'а*), судя по зафиксированным примерам в интересующем нас диалекте, может иметь в своем составе показатель переходного падежа *-от* и указательно-выделительной категории *-с*. Если появление последней морфемы, скорее всего, объясняется вероятностью аналогии, то переходный падеж, основное значение которого обозначать предмет, по чьей поверхности происходит действие, здесь, видимо, несет дополнительную нагрузку и служит в качестве уточнителя описываемого места.

Возвращаясь к варианту *ва-куз'от'т'ис* 'по поверхности воды' заметим, что аффикс указательно-выделительной категории *-с* (*-ыс*) "пристроился" не к имени существительному (более ожидаемый вариант *ва-ыс куз'от*), как это происходит со всеми одиночными послеложными сочетаниями, а занял место аналогичной морфемы в составе серийного послелога. Одним словом, морфемы по своей очередности и функциональным особенностям соответствуют особенностям серийного послелога.

Послелог *ко-ста* 'во время' в форме *ко-стын* отмечен Р. М. Баталовой [Баталова 1975: 199], к сожалению, без указания диалектной принадлежности.

Зафиксированный вариант *ко-стикас*, на наш взгляд, интересен тем, что в его составе кроме форманта *-ас*, совмещающего функции падежной и указательно-выделительной категорий, присутствует деепричастный суф. *-ик* (ср. *с'ойи к коста* 'во время еды'). Заметим, что деепричастия на *-ик* в коми-пермяцком языке употребляются только с временными послелогами *коста* и *кэжб*.

Насколько оправдано здесь появление данного показателя, и можно ли это объяснить функциональными особенностями деепричастий на *-ик*?

Для ответа на эти вопросы необходимы дополнительные наблюдения на более широком языковом материале.

Вариант *ны-понаис'* 'для них', необычен тем, что функционируя в составе серийных послелогов, падежный показатель обычно не теряет своей семантики, напр. *пыза-н вылис'* 'со стола', *пыза-н дын'ис'* 'от стола' и т. д. В данном случае значения исходного падежа не наблюдается.

В случае с послелогом *мо зён* 'как, подобно', смеем предположить, что здесь происходит своеобразный переход сочетания "личное местоимение + *мо зён*" в разряд наречия.

Форма *мо зён* замечена только в сочетании с личными местоимениями, с именами существительными послелог “ведет” себя как обычный одиночный, несерийный, т. е. никаких грамматических показателей нет.

Думаем, что объяснить появление этих “новых серийных” послелогов в языке коми-пермяков нельзя одним лишь принципом аналогии, считаем, что морфемы (суффиксальные) в их составе чаще всего служат своеобразным дополнительным источником конкретизации.

Лексический пласт нердвинского диалекта характеризуется уже ставшей традиционной картиной, представляющей своеобразную систему противоположностей. С одной стороны, обилие русских заимствований (иногда целых сочетаний), с другой стороны, наличие интереснейших исконных форм, зачастую отсутствующих в имеющихся письменных источниках.

Заимствованную лексику, наверное, как и в других языках и диалектах, можно рассмотреть с двух позиций: первая – лексемы, которым имеются общеупотребительные варианты на родном языке, в литературном языке, употребление которых непривычно для восприятия, напр. *прошо лтис, нару шитём фэ рмаэз, с'э м братовэ й, и с'т'э* ‘ешьте’, *за-робил, бэртё тис с'эрэд'и доро ги* ‘вернули с середины пути’ и т. д. По нашим наблюдениям, к этой группе слов в большей степени относятся слова-глаголы.

Вторая позиция – сохранившиеся в языке диалектизмы соседних русских говоров, как правило, уже вышедших там из употребления, напр.: *шы т'ик* ‘лодка из теса’, *душэзубка* ‘лодка из осины’, *облошка* ‘первый ряд строящегося дома’, *гвоз'д'анка* ‘вид глиняной посуды’, *таганка* ‘круглая буржуйка с тремя ножками’, *мэрэкова т'* ‘высматривать’ и др.

Понятно, что здесь произошли большие изменения и на фонетическом, и на грамматическом уровнях.

В составе исконной лексики нердвинского диалекта интересными для нас были сохранившиеся термины родства, ранее не зафиксированные названия трав и растений, обилие устойчивых выражений, различных пословиц и поговорок, в своем роде интересные кальки. Впервые зафиксировали название мифического героя, живущего в бане – *бан'а гог* досл. ‘банная пуповина’, узнали о его качествах и повадках.

Следующие лексемы, бытующие на территории нердвинского диалекта, не отмечены в Коми-пермяцко-русском словаре (1985) или имеют иное трактование: *табан'* ‘лепешка, испеченная на пресном тесте’, *корчага* ‘посуда объемом в два или три ведра’, *рэ жэн'* ‘измельченное зерно’, *кэ ркуыс зэйа ло* в значении ‘богатый дом’, *сод* ‘лестница’, *шыё тны* ‘предсказывать’, *макал'и* ‘маленький человек’, *тун (тунка)* ‘дурак’.

Таким образом, нердвинский диалект коми-пермяцкого языка представляет большой интерес для диалектологов и лингвистов в целом. Те-ряющий из года в год своих носителей, он несомненно развивается по заложенным в нем законам, изо всех сил старается сохранить свою индивидуальность.

Далее приведем диалектный текст нердвинского диалекта коми-пермяцкого языка:

1. кэ рку строи тикö о джджык вö лöм сидз / обло шка кы дзи кэ-
рöны / пэ рвöй рйа ддэсö то л'ко тэ чöны / мол'и тва чита йтлисö // 2.
си ö о йсö ос ко л'ö ö тнасö / обло шкасö // 3. што бы н'эки н эз лок /
штобы н'эчи стöй с'и ла н'эм сэ ччö эс кэр // 4. ма т'ичасö пуктасö /
вы лти гöгö ртны ко лö / чэрин'а н'өн // 5. чэрин'а н'сö ма т'ичанас лэ п-
тöны вы лö // 6. көр си ö пуктасö гн'о здышкоас / сэ тönкан кин смэ-
лö йджык / си а гöгö ртö куйи мис' // 7. ко лö гöгö ртны э тöка по со л-
нышку и куйи мис'өн йурбы ччыны ко лö // 8. кин гöгö ртас / сы лö ышö
с'э тöны суко ннöйö мы йкö / штоп кэ ркус вö ли шоны джык // 9. а ба-
н'а строи тикö мый ко лис кэ рны / мэ си ö ок тöд // 10. ба н'а гö ггэс
ни а / кон'э шно / э мöс' / ко ккэс мö слöн пö кыдз //

Записано в июне 2003 г. по рассказу

С. П. Зубовой, 1950 г. р., д. Пятино

Кудымкарского района

1. Во время строительства дома раньше было так, обложку если де-
лают, первые ряды только кладут, молитву читали. 2. В эту ночь не ос-
тавляют одну обложку. 3. Чтобы никто не пришел, чтобы нечистая сила
ничего туда (в значении 'там') не сделала. 4. Матицу положат, сверху
обойти кругом надо, с рыбным пирогом. 5. Рыбный пирог с матицей
поднимают вверх. 6. Когда ее положат в гнездышко, тут кто смелее, он
обходит трижды. 7. Надо обойти это по солнышку три раза и перекре-
щиваться (в значении 'молиться') надо. 8. Кто обойдет, ему еще дают
суконное что-то, чтоб дом был теплее. 9. А во время строительства бани
что следовало делать, я это не знаю. 10. Банные пуповины (в значении
'банники, существа, по поверьям живущие в бане') они, конечно, есть,
их ноги, говорят, похожи на коровьи копыта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975.

Кривошекова-Гантман А. С., Ратегова Л. П. Коми-пермяцкие говоры.
Пермь, 1980.

Лобанова А. С. Кочевский диалект коми-пермяцкого языка: Автореф. дисс.
... канд. филол. наук. М., 1993.

Лыткин В. И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М., 1955.

Пономарева Л. Г. Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002.